

ЛЮБОВЬ БОЛЬШАКОВА
ГАЛИНА ГАЦУКОВИЧ

ДОМ, В КОТОРОМ ТЕПЛО

Любовь Большакова
Дом, в котором тепло

Издательство «Четыре»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Большакова Л. Н.

Дом, в котором тепло / Л. Н. Большакова — Издательство
«Четыре», 2026

ISBN 978-5-908079-74-7

Мемуары. Книга повествует о жизни приёмной семьи из Республики Коми - супругов Гацукович Галины Александровны и Олега Зиновидовича. За тридцать один год они стали родными для двадцати двух детей, и этот список ещё не закончен. Это рассказ - откровение, рассказ - размышление приёмной мамы. Она делится радостями и заботами большой семьи, вспоминает хороших людей, которые встречались на жизненном пути и поддерживали семью, раскрывает свои секреты воспитания, даёт материнское напутствие каждому своему сыну или дочери, вступающим во взрослую жизнь. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908079-74-7

© Большакова Л. Н., 2026
© Издательство «Четыре», 2026

Содержание

Предисловие	7
Начало	8
Детство	10
Школа	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Любовь Большакова. Галина Гацукович

Дом, в котором тепло.

Документальная проза

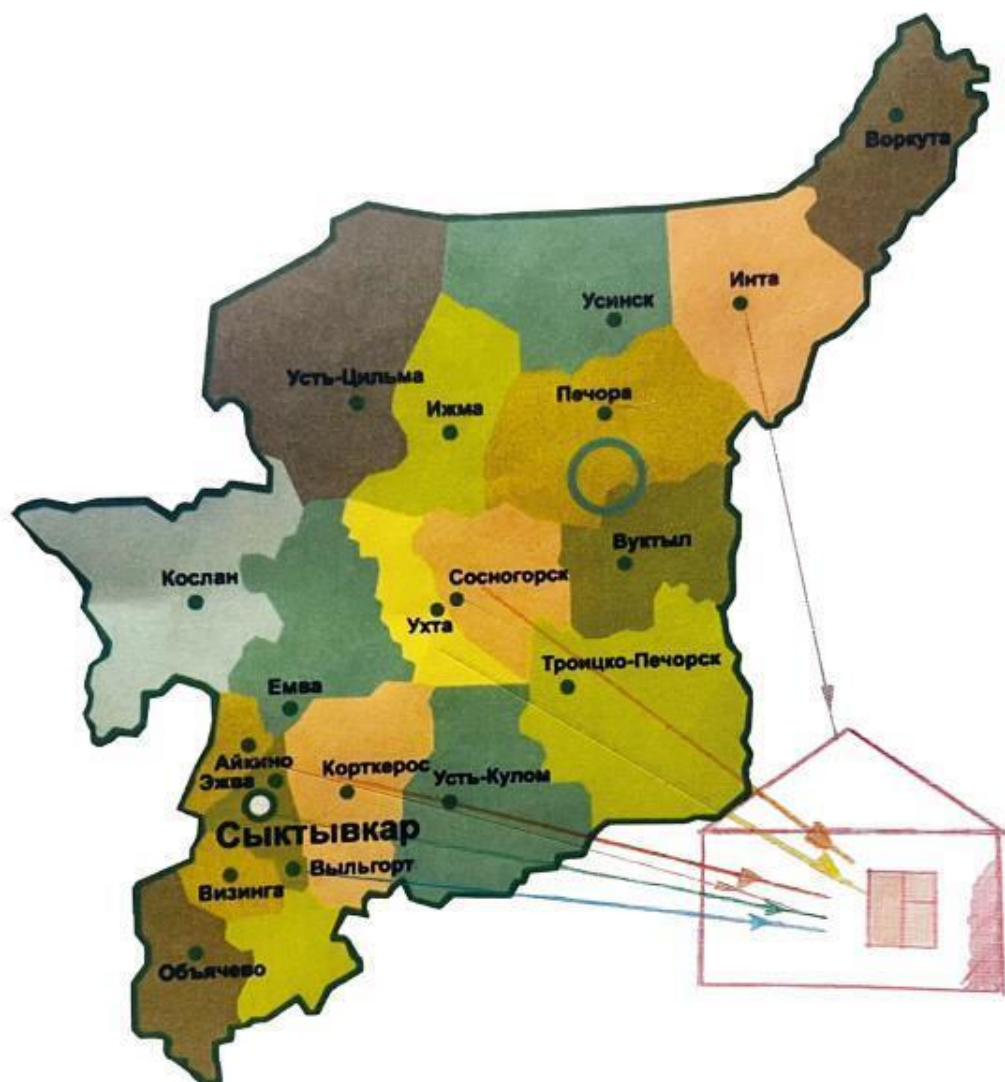
Сейчас мне совершенно ясно, что семья – это микрокосмос всего мира... Если мы приложим все усилия, чтобы семья стала тем местом, где человек может получить настоящее гуманистическое воспитание, мы обеспечим себе более безопасный и человечный мир вокруг. Семья может стать местом формирования истинных людей.

Вирджиния Сатир¹

© Л. Большакова, Г. Гацукович, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

Дом, в котором тепло!

Предисловие

Семья. Для человека – это то место, в котором он живёт первую часть своей жизни как ребёнок и вторую часть как взрослый. Семья считается одним из наиболее древних социальных институтов: она возникла в недрах первобытного общества значительно раньше классов, наций и государств. Члены семьи объединяются совместным проживанием, рождением детей, ведением домашнего хозяйства, эмоциональной связью и взаимными обязанностями по отношению друг к другу.

«Семья оказывает влияние на всю жизнь человека, но наиболее значительна и важна её роль в самом начале его жизненного пути, когда закладываются нравственные, психологические, эмоциональные основы личности, формируются нормы поведения, раскрываются внутренний мир и индивидуальные качества, происходит овладение социальными ролями, необходимыми для безболезненной адаптации ребёнка в обществе», – Наталия Плетнева.

В этой книге речь тоже пойдёт о семье, но семье особенной – приёмной. Это будет рассказ матери: без прикрас, как оно есть на самом деле. А есть – это двадцать два ребёнка, выросших под крылом любящих родителей. Жизнь у всех складывается по-разному, но одно в их судьбе общее: у них была и есть семья, где они чувствовали и чувствуют себя детьми.

Повествование сопровождается напутствиями и рассуждениями приёмной мамы, Галины Александровны, и комментариями психолога.

Что такое семья? Говорят дети:

Семья – это поддержка, любовь, дом, где всегда тепло и уютно.

Семья – это где любят и ждут, где можно быть собой, чувствовать себя в безопасности.

Семья – это круг родных людей, людей, которые доверяют друг другу, любят друг друга.

Семья – это спокойствие, это мир.

Семья – это радость, это мама и папа.

Семья – это когда ты не один.

Когда человек родился, он же не может жить один и у него должны быть мама и папа.

Семья – это любить друг друга и вместе жить.

Семья – это то, что нужно любому человеку.

Начало

Почему в жизни случается так, а не иначе? Почему происходят встречи и расставания, которые меняют всю жизнь человека? Почему у неё, у Гали, получилось в жизни именно так?

Галина, а для детей и педагогов в школе Галина Александровна, – высокая, статная женщина с короткой стрижкой, карими глазами, живым, проницательным взглядом. Во всём облике чувствуется уверенность, напористость и вместе с тем доброта и женственность.

Она задумчиво смотрит в окно на струйки дождя, бегущие по стеклу, на тёмный край сыкатного неба, на мокрую дорожку к дому. И вспоминает...

Отец Галины, Александр Петрович Хотченков, тогда просто Саша, приехал в эти места как переселенец, вернее, был выслан со Смоленщины как пособник и враг народа вместе с другими репрессированными, работавшими на оккупированной территории. А ему-то и было тогда всего четырнадцать лет. В эти края был выслан и его брат, Иван Хотченков, старше Александра на два года (!). Вот так, волею судьбы, они оказались на Коми земле. У отца были и другие родственники: сестра Екатерина Петровна осталась на Смоленщине, брат Гурий Петрович – в Краснодаре. Общались ли они? История умалчивает. Вряд ли! Родня родней, но Александр и Иван – «пособники врагов», а это было очень большим препятствием для общения. Что тут скажешь! Многие судьбы в те годы были сломаны одним росчерком пера.

Надо сказать, что в числе репрессированных на Коми земле жили латыши, литовцы, русские, немцы, а также отбывшие срок заключённые, оставленные в леспромхозе до окончания войны: финны, китайцы, корейцы, иранцы – полный интернационал. Жили они в наспех построенных бараках или (не в лучших) домах барачного типа, с двумя входами с разных сторон.

Но жизнь есть жизнь. Человек ко всему приспосабливается. Так и здесь. Переселенцы, постепенно обустроиваясь, заводили семьи. Александр – худощавый, высокого роста, статный на вид парень, балагур к тому же, с чувством юмора, умел поддержать компанию. На одной из посиделок юноша познакомился со своей будущей женой Холоповой Ниной Степановной, которая приехала с сестрой из села Руч Усть-Куломского района. Сейчас уже никто не может сказать, почему девушки оказались в посёлке для переселенцев. Можно только предположить, что приехали они, как и многие другие, на заработки. Нина, коми девушка невысокого роста, темноволосая, спокойная, с застенчивой улыбкой и живым взглядом, сразу приглянулась Александру. Полюбили молодые люди друг друга, вскоре и расписались по-простому в сельсовете. Дома посидели вечером за столом – вот и свадьба. Сестра Нины, Анна Степановна, жившая там же, тоже вскоре вышла замуж – за ссыльного немца Эмиля Готлибовича Унгера. Любовь любовью, а только Нина, да и Анна оставили свои фамилии. Мало ли что! Мужья не обижались, понимали. Дети же Нинины, в том числе и Галина, были, как положено, записаны на фамилию отца – Хотченковы. А вот у сестры Анны только старший сын взял фамилию отца – Унгер, остальные дети – фамилию матери.

Родители Галины, и мать и отец, не имели почти никакого образования. Мама окончила лишь четыре класса школы, отец тоже освоил четыре школьных года ещё на Смоленщине. Это было нормально. Сейчас мы можем сказать, что четыре класса – это не образование, а в то время, думается, говорили: «Слава богу, умеет читать и писать». Если учились до седьмого класса и дальше – получали профессию.

Отец очень любил читать: ложился вечерами на кровать и читал книгу, журнал, газету – всё, что попадалось под руку.

Поскольку у отца не было образования, он и перебивался на разных низкооплачиваемых работах: кочегар, сторож, подметальщик, подсобный рабочий. Где брали, там и работал.

Не гнушался никакого дела. Мама тоже периодически работала в колхозе, но больше была домохозяйкой. Детей-то какая орава! Она вставала раным-рано, ещё радио и электричество не включали (выключали в двенадцать ночи – включали в шесть утра). Утро поэтому ассоциировалось с треском радио и гимном Советского Союза. Затем голос диктора торжественно и бодро произносил: «Говорит Москва! Доброе утро, товарищи!» В семь часов звучала «Пионерская зорька».

Детство

Галя родилась и жила на так называемом Втором участке (посёлок Кия-Ю) – посёлке для спецпереселенцев, расположенном за двенадцать километров от села Кóрткерос. Основное занятие здесь – сплав леса (для того эти поселения и создавались), да ещё работали на свиномкомплексе.

Семья. Галя – посередине

Кроме Гали, в семье родились два брата и три сестры – она посерединочке. Дети появлялись на свет как по заказу – каждые два года.

Старшая сестра Света – скромная, тихая, как мышка, девочка с косичками, была ближе к матери.

Брат Петя – в меру боевой мальчишка, водил дружбу со всеми, иногда скромничал. Учился средненько, с тройки на четвёрку.

Сестра Таня – схожа по характеру со Светой. Такая же скромная, с косами, домашняя девочка.

Галина. Тут надо сказать: ждали мальчика, а появилась она. Родилась дома и сразу не закричала, а просто заорала. Счастливый отец взял на руки: глаза чёрные, как бусинки, крикушка. Одно слово – галка. Так и стала Галкой. Боевая, энергичная, везде успевающая, всем интересующаяся, любящая спортивные игры и беготню с ребятами. Поведением и боевитостью вся в отца пошла.

Сестра Люба – тоже боевая, под стать Галине.

Младший – Саша, но все звали его Шуриком. Это маменькин сынок и баловень... толком не учился.

Такая большая семья.

Пусть годы и тяжёлые, но редко у кого в семье было по одному ребёнку, чаще не меньше трёх, зачастую четыре и пять детей. По тем временам шестеро детей – обычная семья. Так жили!

Сейчас, вспоминая это, Галине смешно смотреть на семьи знакомых, которые переживают и говорят, что у них проблемы с единственным сыном или дочерью. Потому и проблемы, что один ребёнок, считает она. Было бы семеро по лавкам, некогда было бы размышлять, что так или не так. Все друженько друг за другом, у всех есть дела, все трудятся по мере сил для семьи. А главное, чувствуют рядом не пустоту, а плечо друг друга, слышат простые слова поддержки.

В семье на правах помощницы долго-долго жила ещё двоюродная тётка по материнской линии. Звали её Марья-мам. Про неё Галя помнила только, что та была по-деревенски строгой и чуть чего грозила розгами. А розги – дело неприятное и болезненное. Об этом ребятня всегда помнила и слушалась тётку. Может, ей надо спасибо сказать, потому что они росли по жизни правильно. Потом тётка уехала в Усть-Кулом, к себе на родину.

А ещё вместе с ними жил брат Александра – Иван, инвалид с детства. Дед и бабушка тоже, конечно, были, но они очень рано умерли. Гале тогда едва исполнился год с небольшим. Так что о них она знала только со слов матери и отца.

Посёлок Кия-Ю просуществовал до 1961 года, а затем пошёл под ликвидацию ввиду нерентабельности: то ли весь лес вырубил, то ли сплавать запретили, хотя запрет на молевой сплав² был установлен только в 1995 году. С точки зрения сегодняшнего дня и то, и это могло быть весомой причиной. Специалисты говорят, что при молевом сплаве леса теряется много древесины – она тонет, застревает на берегах и отмелях, её таскают на берег жители для своих нужд. Реки мелели от неправильной эксплуатации, вырубки прибрежных лесов. Всё это входит в понятие «экологические причины».

Народ потянулся переселяться кто куда мог или хотел: в Максаковку, посёлок сплавщиков под Сыктывкарком, в Корткерос, ещё куда, поближе к своей родне. Все уехали, а семья Гали год жила на участке в полном одиночестве, ухаживая за животными на свиноферме. Свиноферму в конце концов ликвидировали, и семья переехала в другой такой же посёлок для спецпереселенцев, тоже с простым названием – Первый (чего ради придумывать название для переселенцев?). Посёлок расположился на реке Вычегде, за три километра от Корткероса. Гале было тогда уже шесть лет. Жили сначала в маленьком домике близ школы, а потом им выделили щитовой типовой двухквартирный, длинный, как барак, дом у реки, со входами с двух сторон, построенный леспромхозом. Как-то уместились.

В 1965 году поселение было переименовано в посёлок Теребей Корткеросского леспромхоза. Жители так же были заняты на сплаве леса. Ко всему прочему, многие имели индивидуальные подсобные хозяйства – держали скот, выращивали овощи: картошку, морковь, капусту, огурцы, репу да редьку – для того, чтобы не только кусок хлеба был на столе.

Трудные были времена. Если подумать, все времена по-своему трудны. Каждому человеку его трудность выпадает, а на кого и много их наваливается. Но люди не унывают, находят радости в повседневной жизни, поддерживают друг друга как могут. Как правило, в деревнях-посёлках все всегда на виду: и осудят, если заслужишь, и похвалят, если есть за что...

Как ни странно, воспоминания этого периода у Гали остались очень хорошими. Детство как детство, хорошее детство.

Дети в семье Хотченковых жили дружно. Домашняя работа выполнялась всеми, без договоров «ты делаешь это, а я вот это» или «я своё дело сделал, пошёл гулять, а вы работайте». Все вместе, в куче: кто посуду вытирал, кто пол намывал, кто веником махал, но заняты были

² Молевой сплав леса – транспортировка леса по реке не связанными между собой брёвнами.

от мала до велика. Сама Галя очень любила ходить за скотиной, убирать в хлеву. Ей нравилось давать тёплое пойло корове, смотреть, как та шумно пьёт из ведра, затем выкладывает в ясли охапку душистого сена и ждать, пока бурёнка, медленно пережёвывая пучок, повернёт голову в сторону маленькой хозяйки. Галя гладила коровушку, вытирала ей бока сеном и совала кусок хлеба, посыпанный солью. Корова тут же благодарно тыкалась тёплой мокрой мордой ей в ладошки. Кормилица! Доить Галя научилась с двенадцати лет. Ей доставляло удовольствие слышать, как молоко дзинькает по дну ведра, постепенно поднимаясь пенной шапкой. Парное, тёплое, вкусное! Она до сих пор вспоминает свою коровушку, которая каждый год одаривала хозяев двойней. Такая радость для многодетной семьи. Наверное, в благодарность Галине!

Да что дойка! Она помогала даже принимать опорос у свинюшки. Как-то мама занесла домой синего, почти бездыханного новорождённого поросёночка – не жилец. А Галя выходила-таки его: окунула в горячую воду, растёрла докрасна, вытерла насухо, завернула в чистую тряпицу, он и ожил. Вырос огромный хрюш. Отец сдал его (в то время мясо сдавали государству, и это был дополнительный приработок). На вырученные деньги он купил Галине, в то время уже студентке первого курса института, пальто с модным песцовым воротником и длинные, до колен, зимние сапоги. Заработала.

На сенокос, на Второй участок, ехали всей оравой. Заброшенный, он зарастал травой, там-то и распределяли сенокосы для всех нуждающихся. А скот держали практически все. Обычно сено начинали заготавливать с конца июня. Отец старался начать косьбу до цветения трав, чтобы больше сохранилось питательных веществ. Ну и смотрели по погоде. Галя как-то вычитала, что в среднем в день бурёнка съедает пятнадцать-двадцать килограмм сена. Она подсчитала, что для их удойной коровушки, да с двумя телятами на подросте, да на овец нужно заготавливать не меньше четырёх-шести тонн сена, а то и больше.

Когда наступала сенокосная страда, мужики, чтобы с утра накосить побольше, уезжали на неделю-другую на сенокосы, жили в палатках. Отец говаривал: «Коси, коса, пока роса». Трава была высокая, мужики вставали по четыре человека в ряд и шли, махая в ритме косой, а сзади за каждым косцом ложилась полоса скошенной травы. Остальные домочадцы вставали ранёхонько и на грузовике, который для этих целей выделял леспромхоз, ехали на сенокос помогать мужикам. Интересно было стоять у кабины, смотреть на красоту раннего утра, на пробегающие мимо кусты и деревья, чувствовать, как ветер бьёт в лицо, лохматит волосы, уносит остатки сна.

Вот и сенокос. Дети и женщины, подталкивая друг друга, со смехом и шутками сыпались, как горох, из кузова грузовика и тоже принимались за дело. Как подсыхало кошеное, брали грабли и шли ворошить сено да из кустов выгребать, выносить на светлые сухие места. Потом нужно ещё было сгребать в копны, затем нести складывать в стога. Стога ставили там же, потом на машинах увозили домой. Могли оставить до зимы.

А какая еда вкусная на сенокосе! Мама заранее варила дома картошку, яйца, дети собирали с гряд огурцы, доставали из погреба квас и молоко, сало. Хлеба брали много, горбушка чёрного хлеба да с молоком уплеталась за милую душу.

Работа длилась до шести вечера, затем ехали обратно. Иногда, правда, дети быстро-быстро управлялись на лугу и пешком пораньше бежали до дому. А это ни много ни мало пятнадцать километров. Очень уж хотелось ребятам попасть в клуб на индийское кино. Для деревенских детей это была другая, незнакомая жизнь с яркими танцами, песнями, страданиями и любовью.

Их, конечно, не пускали, но они прятались под стульями и смотрели, так даже интереснее. Конечно, киномеханик видел и знал, что так делали, но не выгонял. Добрый был.

Галя с сёстрами под впечатлением индийских мелодий приходили домой, заматывались простынками-сари (красивое название одежды индийских девушек) и устраивали танцы на индийский манер. Даже точку на лбу рисовали красными чернилами.

Галина вздохнула: «Надо сходить как-нибудь с детьми в кинотеатр на индийский фильм».

Такой же большой и шумно-весёлой оравой копали картошку, сушили её вроссыпь на поле, затем сортировали: мелкую отбирали скотине, отдельно затаривали на посадку и на еду. На поле разводили костёр и пекли картошку, выкатывая её веточками, а то и голыми руками, подгорелую, с дымком, из горячих углей, а потом перекидывали из руки в руку и ели просто так или присыпая солью. Постепенно руки и лица у всех становились чёрными от сажи.

Дома мама, бывало, отваривала целый чугунок картошки в «мундирах». Дети садились вокруг исходящей паром картошки, чистили её, обжигая пальцы, и ели с постным маслом. А ещё мама торжественно ставила на стол огромную чугунную сковороду вкуснейшей картошки, которую жарила на вытопленном сале. Вкус её остался где-то в детстве. Во всяком случае больше такой маминой картошки Галя никогда не ела. А вот выпечкой мама не баловала. Нет, блины да оладушки были часто, а вот чтоб пироги... Может, некогда было, может, мука быстро уходила.

Ездили таким же образом и за ягодами: в шесть утра – в лес, в шесть вечера – домой. Это если за черникой. Каждый собирал в свою кружечку и ссыпал в общий котёл – ведро. Отец записывал количество и всегда всех сборщиков хвалил, шутил, называя их добытчиками. Ехали домой уставшие, показывая друг другу черничные языки. А вот красные ягоды – брусника – и грибы были рядом. Галя, легка на ногу, могла после уроков схватить трёхлитровый бидончик, сбежать в лес и набрать спелой боровики. Запросто!

Не забыть, как ездили на лошадях за сеном или по другой какой надобности. Дети залезали в короб на душистое сено, отец сверху укрывал тулупом, и – ура! – только полозья скрипят да деревья мелькают вдоль дороги. Высунешь голову – тебя вмиг обдаст снежной пылью, и ты снова скорее ныряешь под старый отцовский тулуп.

Были и другие детские воспоминания. Как-то на сенокосе побежала в кустики и ладонью упала на торчащий из доски ржавый гвоздь. Он проткнул основание мизинца правой руки. Мама не растерялась, выдернула гвоздь и заставила полить мочой больное место (какие лекарства на сенокосе!). Только вечером, когда приехали в Теребей, фельдшер сделала Гале укол от заражения.

Нет, их семья не голодала, несмотря на то что отец, как и все мужики того времени (да и юность была тяжёлой), попивал, что греха таить, но хозяйство вёл добросовестно, справно. У них были корова, телёнок, поросята, куры, на огороде росла кормилица-картошка.

Но вот отчего ей всегда было неловко и приносило страдания – это то, какую она носила одежду. Она стеснялась её, потому что носила штопаное-перештопаное да десятки раз стиранное, как все братья и сёстры. Лишней да и просто копеечки часто не было, поэтому запомнилась покупка новых туфель: чёрных, простых, с небольшим удобным каблучком, которая случилась в девятом классе. Они тоже были куплены на заработанные деньги. Галя приходила домой, снимала туфли, внимательно осматривала их и протирала приготовленной для этого тряпочкой. Когда шла куда, опускала незаметно глаза вниз и любовалась ими. Потом они стали малы и благополучно перешли по наследству сестре.

Каждое лето Галя работала, зарабатывала себе на обновку.

Она взяла в руки старенький семейный альбом. Вот мама с папой, Петя, Татьяна, они с Любой... Слёзы навернулись на глаза. Вернуться бы хоть на часок туда! Пройтись по улице до дома, посидеть на лавочке...

Судьба раскидала кого куда из родного дома. Обоих братьев нет в живых, сестра Татьяна живёт в Визябоже, где до пенсии работала учителем, Света работала в Корткеросе бухгалтером

в сплавконторе, там и обосновалась, Люба укатила в Украину, оттуда перебралась в Москву, где живёт с дочкой и сыном.

Мысли побежали дальше...

Школа

Начальная школа была в Теребее. Училась Галя хорошо. Свою первую учительницу помнила, никогда её не забудет, – Вера Михайловна Коюшева.

Учительница первая моя

Доброго, отзывчивого педагога-маму помнили все. Такой и должна быть первая учительница.

Учеников с каждым годом становилось всё меньше и меньше, и классы объединяли – вместе сидели и занимались и первоклашки, и третьеклашки. С четвертого класса на учёбу пришлось ездить за четыре километра в Корткерос. Выезжали в семь утра и, считай, на целый день. Вечером надо как-то попадать обратно. Гале очень хотелось оставаться на секции и кружки в школе, но ведь автобус не будет ждать. В конце концов любовь к спорту победила: она оставалась на любимую спортивную секцию. В то время она была универсальной – всё вместе: лёгкая атлетика, волейбол, баскетбол, зимой лыжи. Оставались и другие ребята, а вечером стайкой шли домой. Погода по сезону всякая: и снег, и дождь, и слякоть. Обувь-то очень жалко, новую вряд ли скоро купят, вот и старались аккуратнее идти, по обочине, не ступая в грязь. По возможности снимали – и босиком.

Про Галю говорили, что она «боевая, но не оторва», как можно подумать. Боевая – в хорошем смысле этого слова. За себя могла постоять всегда. А как в деревне? Иначе пропадёшь. Народ деревенский на слова острый, на дела скорый. Её ребятня уважала: она всегда говорила и поступала по справедливости. Если какой сыр-бор возникал у ребят, бежали к ней. Она слушала, кивала и разбирала дело так, что никто не обижался.

Сама Галя довольно критично относилась к своей внешности: считала себя некрасивой, невзрачной, оттого, может, и стала боевой – терять-то нечего. Не надо было жеманиться, да глазки закатывать, да краснеть скромненько – какая есть, такая и есть. Она увлекалась спортом, всегда участвовала в соревнованиях – всё это давало свои результаты. На школьные вечера она тоже ходила, а потом спокойно могла одна идти домой по тёмному лесу. Она всех знала, и её все знали. Может, время было другое. Кто-то скажет: «Родители-то что? Не обращали внимания, где дети?» Нет, родители их любили и внимание обращали. Просто жизнь заставляла быть самостоятельными. Это сейчас все охают да ахают: как ребёнок в школу пройдёт сто метров, надо на машине отвезти!

В её детстве жили без машин, ходили пешком, и ничего, крепкими росли. Хотя нет, транспорт на колёсах у них был – мотоцикл. Родители купили его брату в подарок, и Галя, научившись управлять этим двухколёсным чудом техники, лихо за компанию разъезжала по деревне, пугая кур и гусей.

Училась она лучше всех. Один год даже отличницей была. В посёлке было такое правило: учителя приезжали проводить собрание и все родители слушали про своих чад, собравшись в поселковом клубе. Каждый такой приезд был большим событием для посёлка. Отец раз тоже пошёл на очередное собрание. Надо было видеть, какой гордый он вернулся оттуда: похвалили его дочь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.